

**МОРАЛЬНЫЕ ПРЕДПИСАНИЯ И ПРАВОМЕРНЫЕ ДЕЙСТВИЯ:
ИНТЕРПРЕТАЦИЯ АРГУМЕНТОВ АРИСТОТЕЛЯ
В МЕТАЭТИКЕ Р. ХЭРА**

А. Б. Дидикин

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Москва)
abdidikin@bk.ru

ANTON DIDIKIN

Higher School of Economics (Russia, Moscow)

MORAL PRESCRIPTIONS AND LAWFUL ACTIONS:

INTERPRETATION OF ARISTOTLE ARGUMENTS IN HARE'S META-ETHICS

ABSTRACT. The paper interprets the arguments of Aristotle, which characterize his ethical theory and had a significant impact on the moral theory of R. Hare. The author reveals the conceptual foundations of R. Hare's understanding of the nature of moral prescriptions and the ways of their expression in the moral language, and the controversial issues of his interpretation of the content of moral principles and other ethical concepts. The author comes to the conclusion that R. Hare's reinterpretation of the grounds for committing ethically significant actions leads him to formulate moral imperatives in the context of the method of linguistic analysis, which brings ethical theory to the meta-level.

KEYWORDS: ethics, moral imperatives, moral prescriptions, moral language, virtue, good, natural law, Aristotle, R. Hare.

В современной метаэтике и философии права идеи и концепции Ричарда Хэра воспринимаются как методологическое обоснование «лингвистического поворота» в исследовании моральных и правовых феноменов. Новый взгляд на нормативную природу языка морали и вслед за этим юридического языка, сформулированный Р. Хэром, а также детальный и последовательный анализ языковой формы моральных предписаний в его произведениях имеют существенное значение для развития этического знания в аналитической традиции. Между тем о влиянии античной философской традиции, в особенности этического учения Аристотеля, Р. Хэар упоминает

ΣΧΟΛΗ Vol. 15. 2 (2021)

schole.ru; classics.nsu.ru

© А. Б. Дидикин, 2021

DOI:10.25205/1995-4328-2021-15-2-814-824

сам. В комментариях к книге *Hare and Critics*, он в частности отмечает, что «если кто-нибудь сочтет, что я был невежлив по отношению к моим критикам, когда писал заметки вместо эссе, я должен указать, что это то, что мы обычно делаем с Платоном и Аристотелем (как в серии комментариев издательства Кларендон), принимая их аргументы один за другим и рассматривая их быстро, но серьезно» (*Hare and Critics* 1988, 201). Аналитическая метаэтика в своей основе опирается на методологию лингвистической философии, но специфика идейных взглядов Р. Хэара проявляется, например, и в том, что в одной из статей для энциклопедии он назвал Сократа и Аристотеля первыми *прескриптивистами* (*Hare* 1999, 20). Такой подход к историко-философской реконструкции позволяет прояснить взаимосвязь античной классической традиции с современной метаэтикой и философией права.

В историко-философских исследованиях моральная теория Р. Хэара анализируется в двух ключевых аспектах. Во-первых, его концепцию упоминают советские ученые в критических обзорах зарубежных («буржуазных») этических теорий, подчеркивая значимость суждений Хэара для формирования аналитической метаэтики (Дробницкий 1974, 128–133; Коновалова 1975, 123–124), о чем пишут и зарубежные исследователи (Hughes 1973; McCloskey 1979; Punzo 1980). Во-вторых, в последние годы аргументы Р. Хэара относительно сущности нормативного языка морали стали предметом философского осмысления в контексте векторов развития моральной философии 60-70-х гг. XX в. (Никоненко 2003, 457–461; Апресян 2016; Прокофьев 2018; Логинов 2018).

С точки зрения анализа первоисточников большое значение для историко-философской реконструкции имеют публикации Р. Хэара в *Proceedings of Aristotelian Society*, в частности статьи *Universalizability* (*Hare* 1955) и *Principles* (*Hare* 1973). Оба текста являются аргументированным изложением базовых положений его моральной теории.

Моральные предписания в языке морали. Философские основания этики анализируются Р. Хэаром через призму лингвистического анализа языка морали, позволяющего осмысливать этические предписания на метауровне. Только путем прояснения значений этических терминов и понятий может быть реализован потенциал лингвистического анализа в области этики, позволяющего раскрыть нормативность этических правил и принципов.

В данном аспекте моральная теория Р. Хэара сохраняет взаимосвязь с классической традицией этики Аристотеля. Структура этической теории у Аристотеля базируется на учениях о благе, добродетелях и свободе воли, подчеркивающих возможность воспитания моральной личности, несущей

гражданскую ответственность и осуществляющей правомерные и справедливые действия: «благо человека заключается в деятельности души, соответствующей добродетели, а если добродетелей несколько, то в деятельности соответствующей лучшей и совершенной добродетели» (Здесь и далее: пер. Э. Радлова, *Этика Аристотеля*, 1908, 12). Аристотелевское представление о благе подразумевает его несводимость к какой-либо абсолютной идее, поскольку этика ориентирует человека на практическую деятельность с целью достижения блага. В то же время этическое действие касается и исполнения долга и обязанностей, так как «добродетель состоит в приобретенном свойстве души, в силу которого человек становится хорошим и в силу которого он хорошо выполняет свои обязанности» (*Этика Аристотеля*, 1908, 29–30). Тем самым учение о добродетелях, как верно отмечает Г. Кельзен, имеет большое значение для осмысления принципа справедливости и природы правовых норм, а также формы государства (Kelsen 1937).

В современных исследованиях неоднократно указывалось на индивидуальный характер морали в теории Р. Хэара и на личностный выбор при совершении морально оправданного действия. Эта черта его рассуждений не является новаторской, поскольку уже в этике Аристотеля предпринимались попытки формулировки общих моральных предписаний (прескрипций в терминологии Хэара), которые могут быть согласованы с частными суждениями. Кроме того, сочетание «должного» и «правильного» в поведении, соответствующем добродетелям, означает императивный характер этических рассуждений у Аристотеля. Отдельные ученые отмечают функциональную взаимосвязь «должного» и содержания добродетели в аристотелевской этике (Платонов 2016, 56).

В метаэтике язык морали имеет прескриптивный характер, то есть содержит правила, наиболее полно выраженные в виде моральных императивов и моральных ценностей. Поэтому если возникает необходимость оценить степень соблюдения моральных ценностей и принципов конкретным человеком, необходимо изучить его действия, так как «функция моральных принципов состоит в руководстве поведением» (Hare 1952, 1). Язык морали выступает одной из разновидностей нормативного языка, содержащего предписания. Как отмечает Хэар, «исследование императивов является лучшим введением в исследование этики» (Hare 1952, 2).

Специфику императивов в языке морали можно обнаружить при их сравнении с дескрипциями. Лингвистическое выражение императивов и дескрипций существенно различается. Если дескрипции могут содержать описание состояния мышления этического субъекта, либо выражение его эмоций и ментальных порывов, к которым применимы критерии истинно-

сти или ложности описания, то императивы содержат *основания* для этически значимого действия (Хэар упоминает термин «индикатив» для описания фактических действий, но по своей сути это и будут дескрипции в противовес императивам). К императивам (похожим на *команды* к действию) применим лишь критерий значимости для поведения субъекта, так как императив с точки зрения логического анализа выводим только из посылок, уже содержащих другой императив (Hare 1952, 28). С другой стороны, если моральное суждение – это утверждение о должном, то по своей сути такие суждения не могут быть суждениями о фактах, а лишь суждениями о действиях субъекта.

В структуре прескриптивного языка тем самым выделяются императивные и ценностно-оценочные суждения, среди которых Хэар выделяет сингулярные и универсальные императивы, а также моральные и неморальные ценностные суждения. Каждый тип суждения предусматривает некое предписание совершить действие или воздержаться от него.

Хэар настойчиво подчеркивает отличие дескрипций (как описаний фактического состояния дел) от императивов, имеющих прескриптивный характер. Его аргументы основаны на том, что для регулирования поведения недостаточно ссылаться на самоочевидность моральных принципов или отдельных моральных ценностей. Ведь если даже внутреннее убеждение или совесть подсказывают конкретному человеку, какой морально оправданный поступок он должен совершить, у него могут быть сомнения с характеристикой своих действий в качестве исполнения морального долга: «ни одна моральная система, чьи принципы рассматривались бы как чисто фактуальные, не могла бы выполнять свои функции регулирования поведения» (Hare 1952, 44). Поэтому оценочный характер моральных предписаний становится побуждением к совершению морально оправданных действий, что проявляется в нормативном содержании языка морали.

Моральный долг, добро и справедливость. В структуре языка морали Хэар уделяет внимание анализу базовых этических понятий – морального долга и добра: «это ценностные слова, главный инструмент предписания, которым наш язык влияет на нас» (Hare 1952, 79). Изначально он ориентируется на рассуждения Аристотеля о том, что цель определяется добром, достигнутым в виде действия. Тем самым практический характер этики направлен на стимулирование морально оправданного поведения: «намерение – принцип действия;...поэтому-то намерение не бывает без разума и рассудка и без этической привычки» (Этика Аристотеля 1908, 108–109). В то же время с точки зрения лингвистического анализа языка морали Хэар продолжает традицию философствования, заложенную Дж. Э. Муром, но

дополняет ее собственной аргументацией. Так, например, он полагал, что моральная интуиция появляется как результат воспитания и жизненного опыта, а не в качестве индивидуальной особенности человеческого сознания: «мы имеем моральную интуицию, потому что нас учили, как вести себя, и имеются различия соответственно тому, чему нас учили» (Hare 1952, 64). Кроме того, Хэар переосмысливает аналитическое определение понятия «добра» у Дж. Мура как простое и неприродное моральное свойство явлений. Он полагает, что добро является общим свойством для многих и различных явлений и поступков. Понятие добра может быть универсализируемо применительно к способам поведения.

Хэар критически оценивает и аргумент Мура о самоочевидности «добра» и «долга» как этических понятий. Подчеркивая различие логической и психологической самоочевидности, он отмечает, что логическая и психологическая самоочевидность высказывания «человек должен выполнять свой долг» сомнительны. Понятие «добра» применимо к разным типам объектов (хорошие часы, хороший автомобиль, хорошие люди). Но в этом понятии есть моральный и инструментальный аспекты, поскольку инструментальность добра позволяет видеть в действиях людей достижение цели. Р.Г. Апресян приводит пример коммуникативной ситуации из произведений Р. Хэара: «некто Джон, действуя в отношении Джейн согласно золотому правилу нравственности, не может быть в полной мере уверен в приемлемости своего решения для Джейн и, соответственно, в реверсивности своего действия. Находящиеся на гендерно различных позициях Джон и Джейн, скорее всего, будут иметь разные и не всегда обратимые предпочтения» (Апресян 2016, 82). В этом смысле Р.Г. Апресян полагает, что «именно принципы, а не предпочтения, суть универсальные и универсализуемые формы морали» (Апресян 2016, 82).

При этом в моральной и правовой оценке действий субъекта вещи могут быть «хороши» для достижения цели, но не обладать моральным смыслом (например, хороший пистолет может быть средством защиты для полицейского и в то же время средством совершения убийства для лица, совершившего преступление). Такое разграничение дает возможность выделить в понятии добра в неморальном контексте инструментальное значение, а в моральном контексте – внутреннее значение (добро как таковое, добро как этическая ценность).

Возвращаясь к критике дескриптивного подхода, Хэар отмечает вторичность дескриптивного значения добра по отношению к оценочному значению. Если в разговоре с другим человеком использовать оценочное выражение «М – хороший автомобиль», его применение даст больше, нежели

описание конкретных качеств или признаков автомобиля (Nare 1952, 112–113). Причина сочетания дескриптивного и оценочного в понятии «добра» состоит в формулировке прескрипции (предписания, рекомендации) для выбора действий.

В этике Аристотеля раскрывается глубокая взаимосвязь между моральными предписаниями и правомерными действиями на основе выявления типов справедливости как разновидности добродетели: «понятие справедливости означает в одно и то же время как законное, так и равномерное, а несправедливости – противозаконное и неравное» (Этика Аристотеля 1908, 83). Суть такой взаимосвязи состоит в том, что индивидуальный поступок может быть проанализирован как в этическом, так и в правовом аспектах. Уравнивающий тип справедливости определяет равномерный доступ граждан к получению жизненно необходимых благ и в то же время характеризует их отношение друг к другу. Несмотря на относительный характер как позитивного права, так и принципа равномерности уравнивающего типа справедливости, Аристотель полагал, что ближе всего к пониманию принципа справедливости находится понятие естественного права. Моральный долг может проявляться и в законопослушности: «все установленное законом в известном смысле справедливо» (Этика Аристотеля 1908, 84). В оценке справедливости доступа к благам проявляется баланс полученной выгоды или причиненного ущерба, тем самым сфера моральных предписаний тесно взаимосвязана с правовыми нормами, компенсирующими причинение вреда правовыми средствами. Данный аспект нормативного содержания моральных и правовых предписаний получит дальнейшее развитие в моральной теории Р. Хэара и аналитической философии права Г. Харта.

В понимании природы языка морали Хэар провозглашает позицию *этического нон-когнитивизма*, когда моральные суждения имеют некоторое фактическое содержание в форме эмпирических фактов, но по своей сути содержат предписания. Аналогичный подход применим и в сфере философии права, когда, например, Г. Харт в структуре правового высказывания выделяет аскриптивную часть (содержащую приписывание ответственности за неправомерное действие) и дескриптивную часть (позволяющую описывать фактическое положение дел) (Оглезнев 2020, 170).

Моральные принципы. В лингвистическом анализе языка морали наряду с определением сущности императивов, предписаний и оценок важное место занимает раскрытие содержания *моральных принципов*. Этой тематике Хэар посвятил немало своих научных трудов, в том числе президентский доклад *Principles* в *Proceedings of Aristotelian Society* 1973 г. при вступлении в должность главы Аристотелевского общества (1972–1973 гг.). Нередко имен-

но следование моральным принципам определяет не только содержание поступка или поведения этического субъекта, но и последствия его действий. В то же время в отличие от отдельных моральных правил (императивов) с прескриптивным содержанием, требующим своего истолкования в каждом конкретном случае, моральные принципы имеют универсальный характер. Хэар подчеркивает, что и принципы имеют прескриптивное содержание (Hare 1973, 1-2).

Универсальность моральных принципов – характерная черта рационалистического понимания этики в классической традиции. Так, Аристотель отмечает, что «мудрость заключается в наиболее точной науке, поэтому мудрец должен знать не только то, что вытекает из принципов, но схватить истину и относительно самих принципов» (Этика Аристотеля 1908, 113). Для достижения этических целей требуется рациональное сочетание и осмысленности в понимании и обучении добродетелям, и в намеренном осуществлении этих добродетелей. Отсюда моральная ценность действий человека определяется целью и соответствием результата намерениям. В то же время рассудок выступает критерием морального действия, так как связан с дианоэтической добродетелью практичности, направленной как раз на изменчивые виды деятельности (Этика Аристотеля 1908, 11).

Именно об изменчивости содержания моральных принципов подробно рассуждает Р. Хэар, формулируя принцип универсализуемости как основу аналитической метаэтики. Как отмечает Р.Г. Апресян, принцип универсализуемости «выражается в том, что суждение или решение высказывается или принимается в предположении, что любой морально вменяемый человек в аналогичных обстоятельствах высказал бы аналогичное суждение или принял бы аналогичное решение» (Апресян 2016, 85). Тем самым у реализации данного принципа есть заданные этические основания. Наполнение конкретного морального принципа может меняться и такой моральный принцип, будучи универсальным, не всегда остается общим. Так, например, моральный принцип «не говори неправду» может содержать исключения в отдельных случаях (например, в случае разговора с неизлечимо больным человеком, либо в случае допроса во вражеском лагере во время военных действий). Кроме того, ложное высказывание может выступать способом развлечь, повеселить окружающих людей. Поэтому Хэар подчеркивает важность моральных принципов как основания для выбора действий и совершения морально оправданных поступков (Hare 1952, 53–54). Следование моральному принципу также позволяет предвосхищать последствия совершенного поступка, а значит, соблюдение морального принципа дает нам знание о будущем.

В вопросе о соотношении универсальности и общности моральных принципов произошла известная дискуссия между Р. Хэаром и М. Сингером. М. Сингер предложил обоснование аргументов обобщения в этике в противовес принципу универсализуемости в теории Р. Хэара (Singer 1955). Суть аргумента обобщения состоит в последовательности обоснования морального суждения. Моральное суждение проверяется с точки зрения последствий от совершенного действия (желательность или нежелательность последствий), затем происходит обобщение возможных последствий, что выступает основанием применения морального принципа обобщения: «если не все должны действовать определенным образом или быть рассматриваемы определенным образом, тогда никто не должен действовать этим образом или быть рассмотрен таким образом без особой причины» (Логинов 2018, 68–69). Хэар критикует фразу «без особой причины», полагая, что такой аргумент превращает моральные правила в пустые термины, либо в гипотетические конструкции с точки зрения ограничений на обратимость и повторяемость действий. Он отмечает, что при формулировке моральных правил не должны использоваться единичные термины. Именно поэтому не только моральные, но и правовые высказывания не могут быть универсализированы.

Свою позицию Хэар раскрывает, указывая на различия в употреблении терминов «обобщение» и «общее», «универсальное» и «универсализуемое». С точки зрения лингвистического анализа «общее» противоположно «единичному» (конкретному), а универсальные суждения не могут содержать единичные термины. Именно поэтому в аргументах Хэара против Сингера звучит уточнение, что универсальность не может измеряться уровнями, в то время как обобщение как раз измеримо степенью обобщения (Hare 1973, 2). Ведь если вернуться к выделению особых логических свойств моральных высказываний и прескриптивному характеру языка морали, то универсальность моральных принципов понимается Хэаром именно в таком контексте, который не уловил Сингер.

Хэар пытается провести соотношение между моральными принципами и практическими принципами с точки зрения обучения вождению автомобиля и обучения моральным императивам. В обоих случаях изучение сущности принципов должно быть глубоким, доведенным до автоматизма. Принципы усваиваются и на уровне овладения языком, и на практике, и предполагают достижение общей цели (хорошее вождение и хорошее поведение). Он настаивает на том, что в основе выбора любых моральных действий лежат моральные принципы, связанные с ценностями: «давать ценностное высказывание означает делать выбор принципов» (Hare 1952, 70).

В отличие от концепции эмотивизма в этике А. Айера, суть которой состояла в понимании морали как средства выражения эмоций, Хэар обосновывает понятие универсализуемости моральных принципов. При таком понимании морально оправданного поступка действия лица рассматриваются сквозь призму универсального закона или модели поведения других субъектов.

Универсализуемость моральных принципов нельзя смешивать с общезначимостью или общепринятым характером содержания морального принципа, поскольку общезначимость может быть ограничена рамками отдельного общества и, соответственно, отвергаться в другом обществе. Универсализуемость подчеркивает общечеловеческий характер морального принципа и в силу этого может рассматриваться как недостаточно определенное понятие. Впрочем Хэар по-разному характеризует данное понятие:

- как возможность превращения морального принципа в закон для всех (наподобие кантовского категорического императива);
- согласие людей с данным моральным принципом;
- как некая сумма правил, принятых людьми в качестве принципов для их действий.

Поэтому сам факт принятия морально оправданного решения при использовании процедуры универсализуемости означает подведение практической ситуации под имплицитно полагаемый универсальный принцип. В то же время универсализуемость морального принципа способствует превращению личного морального выбора во всеобщий закон поведения других людей.

Если рассматривать универсализуемость как процедуру, то при обосновании моральных суждений должно использоваться правило универсального действия принципа в отношении каждого человека: «решая, какие моральные принципы принять, мы выбираем, что именно можно требовать универсально от каждого, кто находится в схожей ситуации» (Hare 1963, 49). Кроме того, при использовании принципа универсализуемости могут применяться лишь логические постоянные и логические операторы без учета каких-либо личных предпочтений. Тем самым критерий и процедура универсализуемости применяется в отношении прескриптивных высказываний как замена критерию истинности для дескриптивных высказываний.

Моральное суждение, как отмечает Хэар, позволяющее судить о действиях, которые необходимо совершить, относится к случаям определенного типа, с одной стороны, и формулирует предписание без учета индивидуальных особенностей поведения (Hare 1973, 8). Поэтому обоснование морального суждения в качестве универсального морального принципа становится

средством этической оценки конкретных проявлений человеческого поведения и их последствий.

Таким образом, современная метаэтика на основе идей и принципов лингвистической философии развивает базовые императивы этического учения Аристотеля, подчеркивая нормативность и специфику выражения императивных предписаний в языке морали. Аналогичный подход к формулировке правовых норм наблюдается и в аналитической философии права, где сферы морали и права как регуляторов поведения тесно взаимосвязаны.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Апресян, Р.Г. (2016) «Феномен универсальности в этике: формы концептуализации», *Вопросы философии* 8, 79–88.
- Дробницкий, О.Г. (1974) *Понятие морали. Историко-критический очерк*. Москва: Наука.
- Коновалова, Л.В. (1975) *Мораль и познание. Критика гносеологических основ современной буржуазной этики*. Москва: Мысль.
- Логинов, Е.В. (2018) «Анализ дискуссии о принципе универсализуемости в моральной философии 1970–1980-х гг.», *Философские науки* 10, 65–80.
- Никоненко, С.В. (2003) *Английская философия XX века*. Санкт-Петербург: Наука.
- Оглезнев, В.В. (2020) «Аристотель и Харт о неопределенности права», *ΣΧΟΛΗ (Scholē)* 14, 164–172.
- Платонов, Р.С. (2016) «Проблема императивности в этике Аристотеля», *Этическая мысль* 16.2, 51–69.
- Прокофьев, А.В. (2018) «Универсальность как свойство моральных явлений», *Вопросы философии* 11, 47–56.
- Этика Аристотеля*. Пер. с греч. Э. Радлова. Санкт-Петербург: Типография товарищества «Общественная польза».
- Hare, R. M. (1952) *The Language of Morals*. Oxford: Clarendon Press.
- Hare, R. M. (1955) "Universalizability," *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1954-1955, 55.1, 295–312.
- Hare, R.M. (1963) *Freedom and Reason*. Oxford: Clarendon Press.
- Hare, R.M. (1973) "The Presidential Address: Principles," *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1972-1973, 73.1, 1–18.
- Hare, R.M. (1999) *Objective Prescriptions and Other Essays*. Oxford: Clarendon Press.
- Hare and Critics: Essays on Moral Thinking* (1988) Eds. D. Seanor & N. Fotion, N. Oxford: Clarendon Press.
- Hughes, G. J. (1973) "Prescriptivism in Theory and in Practice: The Moral Philosophy of R.M. Hare," *The Heythrop Journal* 14,2, 136–146.

Kelsen, H. (1937) "The Philosophy of Aristotle and the Hellenian-Macedonian Policy," *International Journal of Ethics* 48.1, 1–64.

McCloskey, H. J. (1979) "Universalized prescriptivism and utilitarianism: Hare's attempted forced marriage," *The Journal of Value Inquiry* 13.1, 63–76.

Punzo, V. C. (1980) "The Normative Function of Reason as Reflectivity: An Alternative to Hare's Prescriptivism," *The Review of Metaphysics* 33.3, 593–613.

Singer, M. (1955) "Generalization in Ethics," *Mind* 64, 361–375.